

(00:10:00) (Начало записи)

Общая информация: Уважаемые участники, вопросы спикерам этой сессии вы можете задать через сайт. Перейти на форму можно через QR-код на экране или через кнопку «Задать вопрос» на сайте под окном трансляции этой сессии.

Эдуард Бояков: Здравствуйте, дорогие гости, дорогие участники, коллеги. Я вас приглашаю занять места. Мне кажется, все понятно. Мы здесь.

Приглашение на сцену: Эдуард Владиславович. Сессия «Современные культурные стратегии в России и за рубежом» начинается. На сцену приглашаются: Бояков Эдуард Владиславович, режиссер, продюсер, художественный руководитель Нового театра. Конышева Оксана Васильевна, руководитель программы «Территория культуры Росатома». Курников Александр Юрьевич, девелопер знаковых объектов недвижимости. Лукинский Никита Викторович, графический дизайнер, автор «Телеграм»-канала «Унежить душу», куратор и оформитель выставок парка Зарядье. Маньенан Елена Вячеславовна, отельер-ресторатор, эксперт в развитии микро- и малого бизнеса, автор легендарных проектов в сфере гостеприимства. Торубарова Екатерина Геннадьевна, начальник управления общественной дипломатией «Россотрудничество». Хрущева Настасья Алексеевна, пианистка, композитор и музыковед.

Эдуард Бояков: Спасибо. Дорогие друзья, мы начинаем. Так, у нас нет Александра Курникова, но я его тем не менее видел где-то. Хорошо, замечательно. Мы ждем Александра Курникова. И начинаем. Александр, прошу вас на сцену. Все, теперь мы в полном составе. Наша сессия прекрасная. У нас очень многообещающий состав участников разговора, что позволяет модератору много не выступать, не говорить, не растекаться мыслью по древу, а сформулировать некий общий вопрос, который хотелось бы в развитие двух пленарных сессий. Наверное, многие из вас были на заседании в Большом зале.

И первая сессия, которая вроде бы была посвящена демографии и экономике. И второй разговор, который был больше связан уже с культурной повесткой. Но и в первом, и во втором случае, и в выступлениях Константина Бабкина, Александра Дугина, Марии Шукшиной, других участников, звучало все время очевидное беспокойство по поводу состояния нашего культурного пространства. Какие культурные стратегии сегодня работают? Что мы можем сделать? Мы, потому что подавляющее большинство участников сегодняшнего разговора – это практики. Мы практики в разных сферах, мы практики с разными компетенциями. Но у всех участников сегодняшнего разговора есть опыт, есть успешный опыт. Я отвечаю за эти слова как модератор. И, соответственно, я думаю, что будет что сказать.

Но рассказывая о своих проектах, будучи в состоянии поделиться тем, что мы сделали, я все-таки прошу вас, дорогие коллеги, попробуем экстраполировать, попробуем сказать что-то для страны. Не только про себя, любимых и успешных, но и для, может быть, для того опыта, для следующих поколений, для молодых продюсеров, которые сегодня нас слушают. И неизбежно, каким бы одиночеством ни был бы характерен любой художественный гений, любой творческий характер, тем не менее нам нужна

социализация, нам нужно пространство, где мы делимся своим опытом, где мы делимся своим теплом друг с другом.

(00:15:10)

И этот опыт помогает нам созидать, творить и идти дальше. С одной стороны, на этих двух сессиях, которые прошли, пленарных, много говорилось о необходимости серьезных государственных действий, надо планировать, нужны программы, нужна действительно настоящая государственная программа. В общем-то, достаточно общее мнение, я позволю уже даже не то, чтобы подытожить, но так вот резюмировать энергию этих двух пленарных заседаний, о том, что нужна артикуляция культурной стратегии, культурной политики. Понятно, что мы здесь, собравшись, не решим эту проблему, мы сейчас не так вот поговорим и договоримся, и выдадим какой-то результат.

Но еще раз повторяю, давайте попробуем говорить максимально с широким фокусом, с максимально широким ракурсом. Давайте попробуем подумать про страну. Это не значит, что мы сейчас должны говорить на каком-то научном языке, предельно забыв про свой опыт. Но, тем не менее, еще раз прошу учитывать то, что мы на форуме, который в названии имеет слово «экономический». И, мне кажется, если мы сможем и свой опыт учитывать, и вот этот фокус держать в голове, обращение к макроэкономическим пространствам, разговор о том, как устроен художественный, творческий, а, следовательно, и все остальные рынки.

С одной стороны, господа, то количество денег, которое вращается в нашей культурной сфере, несоизмеримо, конечно, с нефтедолларами, с миллиардами, триллионами долларов, которые крутятся на продовольственном рынке, в банковской сфере, в экономике, в энергетике, например, если говорить про тот же «Росатом». Но все-таки, наверное, неспроста мы каждый год получаем информацию об очень интересных инициативах именно в культурном пространстве, которые исходят из структур близких к «Росатому». А ведь атомная отрасль – это, пожалуй, единственная на сегодня отрасль, где мы безусловные мировые лидеры. То есть у нас есть несколько отраслей, где мы конкурентоспособны. Но если говорить о мировом лидерстве, то, пожалуй, может быть, меня кто-то из макроэкономистов поправит, сейчас даже из зала, но, наверное, все-таки большинство из вас согласится. Там мы лидеры.

И может быть, как раз на этой территории и возникнут те культурные и интересные проекты, которые помогут стране получить импульс, который так необходим. А нашей стране, нашей нации такой импульс нужен. Нам нужны герои. Да, ядерный импульс, именно ядерный. Должна быть какая-то цепная ядерная очень серьезная реакция запущена. Мы теряем себя, мы теряем нацию, мы теряем страну. Мы живем в чужих сценариях. Мы живем в чужих снах. Сегодня юбилей «Матрицы», кажется, я где-то прочитал в сети. Мы живем в чужих грезах. Мы живем в чужих музыкальных вайбах, ритмах. Это очень важно. Это влияет, это формирует глубинные структуры нашего сознания и нашего подсознания. Наше сознание — это всего лишь корочка, а подсознание — это 90 с лишним процентов мозга, вот того самого серого вещества, в котором что-то происходит. И ученые не могут описать процессы, которые там происходят, а художники могут попасть

в резонанс с этими энергиями, и тогда возникает герой, тогда возникает героиня, тогда возникает кластер, тогда возникает образ, тогда возникает команда, тогда возникает социум, тогда возникает семья, и тогда возникает суверенная культура.

(00:20:05)

Следствием этой суверенности является суверенная экономика или суверенный военный какой-то проект, следствием суверенной культуры, а не наоборот.

Сегодня есть возможность полтора часа, уже меньше чуть-чуть, поговорить о том, что мы можем сделать на этом поприще. Я буду представлять наших участников по ходу, но, наверное, не буду много говорить. Если коллеги посчитают нужными, то, пожалуйста, скажите о себе что-то. Ну и большинство, конечно, нас знакомы друг с другом, я думаю, что и вы знаете моих коллег. Еще раз их приветствую. Прошу первые слова сказать Елену Маньенан, отельера-ресторатора с огромным стажем, создателю уникального проекта в городе Плес. Мы, конечно, многие из нас там бывали, а многие из нас, ну и все практически слышали. Елена, спасибо, что вы с нами, и прошу вас начать наш разговор.

Елена Маньенан: Здравствуйте, мои дорогие. Мне очень приятно, что меня сегодня пригласили сюда. Я рада, что Родина наконец-то откликается на то, что мы смелые стали делать еще в 1997-м. Ну, кратко о себе. В 1997-м я уже вернулась в Россию, наоборот. То есть я уехала еще в 80-х во Францию, вышла замуж за француза, журналиста, международного, и начала понимать, только уехав из России, что такое моя страна. Но то ли в силу возраста, то ли в силу того, что до меня не достучались в школе, к своему огромному стыду, я могу вам сказать, что Родину я начала любить, только уехав. То есть вот что имеем, не храним, потерявши плачем.

Каждый раз я была просто шокирована, если честно, просто шокирована тем, как французы подают свое. Я училась на каждом шагу. Вот просто при каждом удобном случае я задавала мужу вопрос: слушай, а почему это так? Слушай, а почему вы покупаете свою отечественную зубную пасту? Почему ты против того, чтобы купить иностранную машину? Только Peugeot, только Citroën, только свое, только свое. А мы? Мы – нет.

Еще это, понимаете, когда я возвращаюсь в Россию с большим трудом, с трудностями, с обидой мужа, потому что он простить мне не может, он мне Францию к ногам, а я домой хочу. Непонятно, неясно. А вернули меня в Россию наши соотечественники последней волны. Невозможно было больше слышать, невозможно было больше вот это воспринимать. «Ты, слушай, с ума сошла, ты куда едешь? Да еще детей туда везешь, это страна варваров. Там невозможно жить и работать, там у тебя все отнимут, там все тебя сломают, там у тебя все отберут», ну и так далее, и так далее, и так далее.

Один раз я не выдержала, встала из-за стола и вышла. Муж мне сказал: «Так делать нельзя», я говорю: «А так они сидят у меня за столом, это можно? Вот это можно?». Я продукт той страны, я продукт России. Если все нравится им во мне, то простите. В общем, я решила уехать обратно. Часть семьи забрала с собой, мы уехали. Муж прожил здесь 14 лет уже, находясь в Плесе, и мы начали потихоньку делать то, что мы сделали. Оно оказалось очень востребованным. Почему? Да потому что, оказывается, все соскучились,

все хотят. Но хотят всей вот этой вкусной, красивой, классной, стильной, феноменальной, вот той России, о которой мы все мечтаем, но ее как бы еще в 90-е...

(00:25:00)

Хочу, чтобы они начали ее воспринимать как свою родину и не стремились куда-то туда. Вы знаете, мы проводили лучшие масленицы в России. И мне подходили и говорили гости, говорят: «Елена, а ты не можешь приехать к нам в Лондон и провести нам у нас такую масленицу?». Я говорю: «Ну вот конечно, сейчас вот здесь все брошу, поеду в Лондон вам масленицу проводить».

Ребятки, дорогие мои, вот есть у нас помещение. Можно расти, но если у тебя над головой потолок, то ты примешь форму этого зала. Станешь квадратным в себе. А если, если над головой небо, то ты будешь расти до бесконечности, и тебе будет всегда мало, тебе будет все равно всего не хватать. Боже мой, у нас сейчас такая красивая задача, так здорово, что есть такая возможность, открываются эти великолепные возможности. Есть вот такие молодые классные ребята, у которых критическое мышление, которые мыслят совершенно иначе. Я вижу по своим внучкам, по внукам своим, я вижу, как они рассуждают, как они умеют общаться с этим интернетом, правильно общаться с интернетом, забирая оттуда только лучшее. Вот я хочу, чтобы над всеми над нами было всегда небо, и чтобы мы всегда у всех хорошему учились. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо огромное, спасибо Елена. Территория культуры «Росатома». Так называется программа, руководит которой Оксана Конишева. И ей есть что сказать.

(00:30:00)

Оксана Конишева: Спасибо большое за предоставленное слово. И мне так понравилось начало нашей сегодня беседы. Елена, спасибо большое за этот эмоциональный накал. Я тоже хочу продолжить наш разговор о любви. О любви к нашей Родине. И в частности о любви к моей компании, в которой я работаю. В госкорпорации «Росатом». Вы знаете, я попала в эту компанию в 2006 году. Очень-очень молодой девчонкой, совсем зеленой. Меня пригласили просто как менеджера. Который что-то там организует в области культуры. Не знаю, мероприятия, концерт, выставку проведет.

И вот с этого началось мое знакомство с той большой географией. С той большой страной «Росатома». Я из культуры. Я закончила, у меня полное музыкальное образование. Я все это очень люблю, понимаю. И всегда хотелось заниматься только этим направлением. Но судьба меня закинула в такую компанию. В 2006 году тогдашнее руководство Министерства культуры и госкорпорации «Росатом» подписали между собой соглашение о сотрудничестве в сфере культуры в атомных городах, чтобы были самые лучшие знаковые продукты культуры, приезжали туда.

А почему так возникло? Тут, простите, пожалуйста, хочу небольшую вам историческую справку напомнить. Собственно говоря, о создании атомной отрасли. И тогда это будет ответ на вопрос, почему мы занимаемся сегодня в современной нашей жизни. Будьте добры, пожалуйста, ролик. Он такой, будет идти за моей спиной. Самое начало ролика –

это перечисление наших 31 городов присутствия атомной промышленности, чтобы понять, какая география, эти города находятся практически на всей нашей территории.

1945 год. 9 мая. Страна отмечает День Победы. А в этот момент у разведчиков находится карта. Карта советской нашей страны, на которой нанесены 30 городов, которые должны были американцы бомбить. 6 и 9 августа. Хиросима и Нагасаки. Демонстрация ядерной силы. Все понимают, что наступила гегемония. И ответить нам, по сути, еще нечем. С 1942 года идут разговоры и работы об атоме совершенно секретно. Но нет ничего. 20 августа собирается первый совет по безопасности, и это считается точкой отсчета атомной отрасли.

Поэтому в этом году у нас не только 80-летие Победы, но у нас еще и 80-летие создания атомной промышленности. Американцы живут спокойно, потому что они точно знают. Им сказали, что есть 15-20 лет, когда русские создадут бомбу. 29 августа 1949 года бомба была испытана. Прошло всего лишь четыре года. Страна встала и страна сделала. И создавались эти города, первые закрытые города, совершенно на пустых местах. Туда приезжали и военнопленные, которые рыли котлованы, и наука, которая тут же создавала первый ядерный реактор, как, например, «Маяк» в городе Озерске. То есть это на самом деле огромный-огромный подвиг нашего народа.

10 закрытых автономных территориальных образований. Они до сих пор закрыты. То есть туда невозможно подъезжать. Во-первых, надо заказать пропуск, а потом подъехать, еще очень долго проходить пропуск. И точно должна быть причина, по какой заезжаете в этот 50- или 100-тысячный город, который существует по этим признакам. Поэтому это действительно вселенная во вселенной.

И заканчивая вот эту историческую справку. В 1949 году мы обеспечили паритет, мир. До паритета еще далеко был. Но, во всяком случае, американцы понимают, что да, у нас это уже есть. А в 1954 году Игорь Васильевич Курчатов успевает построить первую в мире атомную электростанцию. Она находится в городе Обнинске. Мы в этом смысле точно первые и тогда и сейчас.

И почему я это все говорю? Потому что ответ на то, что наш народ способен на невероятные подвиги, но тогдашнее государство заботилось о тех людях, которые приезжали и создавали для страны. В наших городах на 60 тысяч населения. У нас есть даже есть два театра. У нас абсолютно обеспеченность инфраструктуры и культуры, которая есть в наших городах. Все это, конечно, было создано тогда.

Потом были сложные 90-е, в которых случился провал. Как в наших городах говорят, мы жили в золотой клетке, стали жить просто в клетке. А в 2006 году, благодаря такому действительно волевому решению тогдашнего руководства, мы совместно с Министерством культуры на тот момент создали первые проекты. Живем мы уже, получается, 19 лет. Вот таким, знаете, эмпирическим путем. От концерта до выставки. В результате мы развились на то, что у нас на 31 город порядка пяти-восьми мероприятий на территории у нас каждый год происходит, получается, это дополнительные проекты, которые реализуются в этих городах, благодаря тому, что «Росатом» понимает важность и необходимость, что нужно заботиться о людях, о кадрах, о семье, о детях, о женах, которые все так или иначе живут в этих территориях.

(00:35:32)

Проектов у нас самое большое множество. Не буду на них останавливаться. Это, естественно, и гастроли исполнителей. Мы очень активно сотрудничаем с институциями культуры. Тут как раз про экономику. Потому что, опять же, городов в нашем контуре становится все больше. Соответственно, ресурсы, в общем-то, не сильно в этом смысле добавляются. Но тут на помощь должны приходиться вот те самые коллаборации, партнерства. Когда мы соединяемся с Министерством культуры, да, может быть, оно к нам, что называется, само не пришло и не предложило. А мы к ним пришли. А мы сказали, что мы хотим с вами сотрудничать.

Мы с Росконцертом очень много делаем проектов и мероприятий знаковых, ведущих театров, именитых коллективов наших исполнителей. То есть то, что проезжает по стране, мы присоединяемся и реализуем дополнительные проекты в наших территориях. И таких партнеров мы всегда ищем и приглашаем. Вот с Большим детским фестивалем Безрукова мы провели недавно тоже детские фестивали, в том числе и в наших городах. С Театром нации мы уже шесть лет реализуем творческие театральные лаборатории. Эти лаборатории, в которых, в общем, происходят эскизы, создаются. Благодаря этим лабораториям значительно обогатились репертуары в наших городах, в наших театрах.

В общем-то, вот такие инициативы, которые действительно рождаются просто от человека к человеку. Познакомились, нашли точки пересечения, поняли, как мы можем быть друг другу полезны, ну и, соответственно, реализуем.

Отдельно хочу выделить детскую линейку наших проектов. Это творческие отборочные туры талантливых ребят, потом, соответственно, мастер-классы и лаборатории происходят. Но что точно хочу сказать. В отличие от тех лабораторий, вот тут как раз про код наш атомный, в отличие от подобных проектов, которые существуют у других институций, мы, в общем-то, не ставим во главу угла задачу именно выбрать эту профессию в будущем. То есть улучшить навыки именно с точки зрения профессионализма. Наша задача — дать возможности нашим детям, которые живут в наших городах, в разных направлениях. Развить эти творческие навыки. И пусть они будут будущими атомщиками. Или пусть они будут работать в любых областях. Пусть они пригодятся нашей стране в любом его ракурсе. Главное, что эти творческие навыки, которые они получили в детстве, они будут пригождаться и давать нестандартные идеи, в том числе и в своих новых вехах жизни.

В общем-то, я за что? Подытоживая такой экскурс в атомную отрасль и в нашу деятельность, о ней можно познакомиться на нашем сайте. У нас в этом году будет довольно большая линейка мероприятий. Всех приглашаю 10 июля на выставку, которую мы готовим вместе с РОСИЗО «Энергия мечты». Это такой 80-летний экскурс в нашу историю через вот такой подход человека труда. Выставка будет в Зарядье. С большим удовольствием вас приглашаем. До 14 сентября будет там происходить.

Очень многие процессы, конечно, мы можем сидеть и ждать, когда сверху придут инициативы, нам распишут законы, указы, и мы, в общем-то, примемся их выполнять. И, конечно, это очень верный и правильный подход. Но еще очень многое зависит лично от наших инициатив. Когда мы действительно являемся локомотивами своих идей, эти идеи

двигаем, находим на них ресурсы, я, честно говоря, прям терпеть не могу, когда ко мне приходят и говорят: «Ой, вы знаете, у меня есть там такая идейка, а сколько, если что, у вас бюджет какой, чтобы я вот вам идейку под этот бюджет рассказал?». Терпеть не могу. Потому что вопрос не в бюджете, вопрос в идее. И если идея зажигает, вообще неважно, сколько она будет стоить. Потому что идея, которая с факелом, которая меня зажгла, людей зажгла вокруг, мы понимаем этот эффект, который она даст, тогда ты идешь и своими ногами находишь и партнеров, и друзей, соратников, ну и, собственно, многое, чего рождается. Ну или не рождается. Спасибо большое.

(00:40:00)

Это наш проект «10 песен атомных городов». Да, да. Это Курчатовский институт, который, да? В Москве? Смотрите, ДК Курчатова имеет отношение к Курчатовскому институту. Это не наше ведомство. А вы дали прекрасную идею. Пойдем познакомимся. Спасибо большое.

Эдуард Бояков: Господа, да, спасибо большое за вопросы. Очень здорово, что есть желание спросить и обсудить что-то. Все-таки давайте попробуем выслушать всех спикеров, потом, дай бог, у нас будет время поговорить. Выставка, которую анонсировала Оксана, будет в Зарядье. И прекрасная рифма для того, чтобы попросить Никиту Лукинського выступить. Никита — автор, создатель прекрасного блога, «Телеграм»-канала «Унежить душу». Если кто-то еще не знаком с этим явлением, то советую. Я был очень рад обнаружить такой свежий, независимый, интересный, современный, мультидисциплинарный взгляд на народную, корневую русскую культуру, которая, оказывается, может интересовать людей, которые занимаются гейм-индустрией, фэшн и так далее. Из этого «Телеграм»-канала вырастает целый ряд очень интересных проектов, начиная от торгового центра «Гостиный двор», заканчивая уже упомянутым комплексом выставочным в Зарядье. Никита, вам слово.

Никита Лукинский: Здравствуйте. Там вкратце, наверное, еще чуть-чуть о себе и блоге, чуть-чуть о хорошем и немножечко о проблемах. Сперва еще раз немножко раскрою информацию о канале. Я его создал пару лет назад, наверное, года четыре, мне кажется, назад. И в то время как будто бы вообще только возрождалась такая новая волна, я бы назвал это, наверное, новой волной какого-то русского романтизма, когда все люди креативных профессий как-то потихонечку начали склоняться к интересу к собственной культуре, о том, как ее можно поместить в современный контекст. Перенос... Ладно, это я немножечко уже из темы ухожу. Да, люди самых разных дисциплин начали этим интересоваться, я начал это освещать, проектов было немного. Потихонечку они начали вырастать, и, соответственно, я тоже начал обрастать проектами и начал помогать проекту «Дизайн выходные», где собирал отдельную секцию дизайнеров, которые работают с этим направлением. И впоследствии для парка Зарядья и Гостиного двора сделал в прошлом году такой небольшой экспериментальный концепт-стор, где выставил разных современных дизайнеров, которые тоже работают с какой-то вот такой русской эстетикой. Но все это, конечно же, очень здорово, и я очень всячески это поощрял, и говорил о том, как важно проявлять интерес к русской культуре, к русской эстетике и так далее, и проектов становилось все больше и больше, мне сложно упрекнуть в том, что я как-то могу вообще

ругать нашу культуру и так далее, потому что я выложил тысячи, наверное, проектов самых разных, отсмотрел их, похвалил, многие даже продвинул каким-то образом, дал им какой-то boost, и все у них до сих пор замечательно.

Но вся эта история должна делиться на какие-то этапы. Первый этап — это возвращение к каким-то нашим истокам изучения нашего культурного наследия, затем это переосмысление, осмысление, перенос из одного контекста в другой, что почти всегда ведет к какой-то такой деконструктивной практике, а следовательно, зачастую ведет к стилизации. И, наконец, третий — это погружение, третий — это научиться все это подавать с соответствующим уровнем продакшна, с соответствующим уровнем брендинга и так далее, всех дизайнерских, более прикладных практик и маркетинговых.

(00:45:05)

И после того, как ты это все уже научился, достаточно погрузился в культурную сферу для того, чтобы воспроизвести какой-то продукт, графический дизайн, предметный, интерьерный, архитектурный, неважно, геймдизайн. Затем научиться все это упаковать красиво в рамках современных каких-то тенденций в дизайне, и, наконец, выставить все это на рынок. И следующий этап, на который, мне кажется, мы должны обратить внимание, — это этап, когда нам нужно погружаться еще глубже во всю эту тему. Потому что сейчас, это замечают уже все, в том числе мои коллеги и так далее, образовалась проблема, неизбежная проблема того, что эта тема настолько расширяется, настолько бухнет и больше людей вовлекает в себя, в том числе всячески поощряется разными государственными проектами, открываются всевозможные выставки в самых больших разных местах, в том числе не только в Москве, но и в городах России. Тема широкая становится и неизбежно упрощается.

И я бы хотел от всех, от имени, наверное, всех дизайнеров, профессионального сообщества такое некоторое пожелание, некоторая даже, наверное, рекомендация, может быть, людям, в том числе, которые занимаются, как-то продвигают на государственном уровне подобные проекты, больше уделять внимание тем проектам, которые больше погружаются, больше изучают традиционные практики, их методы и, соответственно, то, как они будут работать в современном контексте, в современном мире, в нашем непосредственно каком-то географическом окружении. То есть более глубокие предметы, более глубокие архитектурные проекты, более глубокие, в том числе, современные цифровые проекты – от геймдева до простого диджитал-арта.

Потому что, по моим наблюдениям, и государственные проекты, и в целом массу людей больше интересуют эффектные проекты, которые занимаются исключительно стилизацией. То есть, когда мы берем, условно, вещи, которые делали 100 или 200 лет назад, или в начале даже XX века, или в начале Советского Союза, и просто как-то их стилизуем, придавая им новую жизнь, будь то какие-то конструктивистские элементы, будь то какие-то элементы русского модерна, деревянные наличники и так далее. Это все очень красиво и прекрасно, и мы должны были пройти этап, когда мы повышаем популярность к данным предметам, изучаем как-то их. Но все это от супрематизма, конструктивизма, русского модерна, наши линии живописи или школы ВХУТЕМАСа, они все имели какие-то

идеи, они все были созданы не просто так, они существовали в определенном контексте, и даже деревянное зодчество существовало в определенном и географическом, и идеологическом, и идейном контексте, духовном и так далее. И наиболее конкретно и правильно вписывалось в современный контекст.

И вот нам нужно на сегодняшний день, как мне кажется, не стилизовать больше данные проекты, выставляя в самых разных выставках Москвы бесконечные наличники, стилизуя все это, или какие-то орнаменты традиционные просто везде печатать, на футболке, грубо говоря, или платке, а понимать, как и почему использовались эти практики 100 лет назад, или ранее, или позже, и делать нечто похожее в современном контексте. В современном контексте мы сейчас до сих пор продолжаем жить в России, совсем не обязательно всегда полностью и тотально осматривать прошлое, то, что было 100 лет назад. Можно лишь только элементы какие-то оттуда брать и, соответственно, применять в современности, в том числе в современных форматах, которые раньше не были доступны человечеству, в основном это цифровые, это веб-проекты, всякие мультимедийные проекты, геймдев-проекты, современный диджитал-арт, саунд-дизайн и так далее. То есть новые сферы, которые не были открыты, в том числе даже сфера нейрогенеративная.

И в ней как-то мыслить, как это возможно применить, чтобы это было актуально, интересно и полезно. Опять же, изучая свою аудиторию, изучая потребности людей, которые живут в нашей стране и в наших городах, каждого индивидуально причем, каждую группу целевую, таким образом, мне кажется, вырастают впоследствии более конкретные стили и движения, типа какого-нибудь, как в разных странах, типа датский функционализм, японский минимализм, или наш конструктивизм, например, и вообще наши все эти авангардные движения в начале XX века.

(00:50:16)

Тогда как раз появляются более интересные, я бы даже сказал, великие какие-то стили, которые оказывают влияние на мировую культуру. Не нужно ставить задачу создать новую русскую эстетику, не нужно давать задания и искать и финансировать проекты, которые просто направлены на то, чтобы пропагандировать, исключительно пропагандировать какую-то русскую эстетику. Мне кажется, нужно уделять внимание более исследовательским проектам, где одновременно профессионализм современных дизайнеров сочетается с более углубленным изучением традиционных практик.

И тогда это будет гораздо более полезно, гораздо более эффектно, и мы можем как-то даже, наверное, я думаю, и пользу принести, и как-то просветить человека, и в том числе сделать по-настоящему живой современный дизайн, и даже, на самом деле, не только дизайн, но и искусство, потому что это, я думаю, применимо к абсолютно любым культурным сферам. Вот такое вот у меня замечание.

Эдуард Бояков: Спасибо большое. Спасибо, Никита. Не знаю, как вам, дорогие гости, но мне очень нравится траектория и последовательность наших выступлений. Потрясающий рассказ Елены о том, как она вырвалась из Франции и на родину. Потом рассказ о самой закрытой отрасли нашей экономики, атомной сферы, и о том, как эта отрасль открывается через душу, через культуру. И вот теперь рассказ Никиты о проектах, с одной стороны,

совсем в новых таких сферах, потому что, на самом деле, в нас всех, даже в профессионалах, работает вот эта вот старая установка. Потому что культура — это театры, библиотеки, оркестры, какие-то серьезные театры, музеи. Если там Театр наций, ну, это же вообще, там Женя Миронов куда-то, может быть, заедет, в какой-то совсем закрытый город. Это будет большое событие.

А интернет, а геймдейв, или как это, простите, Никита, за эти слова, я их плохо произношу, диджитал-арт и все это пространство, оно выполняет безусловно функцию культурной, ну, практически, институции. Это культурная практика. Современный молодой человек читает, получает образную информацию из интернета, из рекламы в городе, из интерьера в ресторане, который не является культурной институцией, но он несет в себе столько информации культурно-образной. Он так связан с логосом. Если это японский ресторан, с японским. Если это русский, с русским. Если это ресторан в русской деревне, то это значит информация о русском, о русской земле. Если это ресторан, как ресторан, который называется «Русский», знаете, наверное, в Москва-Сити, 89-й или 90-й какой-то этаж. Это все сегодня работает уже в новой совершенно культурной карте.

И теперь очень интересная возможность предоставить слово представителю государства. Есть у нас федеральное агентство Россотрудничество. Мы все знаем о такой институции. Те, кто живет в Москве, наверное, плохо понимают, как это работает. Но мы, например, я, как культурный практик, огромное количество раз соприкасался, особенно до 2022 года, до 2014-го, тем более с такими институциями, как Институт Сервантеса, Гете-Институт, Французский культурный центр, Американское посольство. Как они за нами ухаживали? Как стоило какому-то режиссеру, продюсеру, фестивальному практику создать какой-то интересный проект в Москве, как я от всех вышеперечисленных институтов и посольств огромное количество раз получал предложение «приезжайте на этот фестиваль, познакомьтесь с нашей культурой».

Меня там не вербовали. Хотите верьте, хотите нет. Никаких там разведчиков из ЦРУ нет, мне наоборот все показывали, какой прекрасный Эдинбург, какой это прекрасный фестиваль. А я сейчас понимаю о том, что ненамеренно и медленно шла работа по замещению русской, русского логоса, русской суверенной культуры, другой.

(00:55:16)

Это происходило с 90-х годов, и надо отдать должное, очень профессионально эти ребята работали. Теперь мы пытаемся разобраться с этой новой ситуацией, и благодаря вот таким людям, как все мои уважаемые предыдущие три спикера, мы понимаем, что много можно сделать, и не все потеряно. Спасибо им еще раз. И Екатерина Торубарова, руководитель управления общественной дипломатией агентства Россотрудничества, приветствуем вас и просим сказать.

Екатерина Торубарова: Все верно. Спасибо большое, Эдуард. Добрый день, дорогие друзья. Именно так я позволю себе к вам обращаться, потому что здесь, я так понимаю, собрались те, кому действительно интересна эта тема. Знаете, мне на самом деле будет очень сложно говорить после таких эмоциональных выступлений ярких. У меня нет личного опыта возвращения из-за рубежа или реализации каких-то культурных проектов, как

рассказывала Оксана, в том плане, что вот пришла, увидела, победила, сделала. У меня, наверное, есть как у чиновника государственная задача. Вот мне ставится задача, я ее должна выполнять. Я вас постараюсь сейчас вкратце сориентировать, в принципе, куда государство, не буду отвечать за Минкульт, я буду за Россотрудничество говорить, ведет нашу культурную лодку за рубежом на международной площадке. То, чем мы занимаемся.

Ну, как любой докладчик, уважая право модератора меня остановить, я не буду вдаваться в отчет о деятельности всего агентства. Я люблю свою работу, могу говорить о ней бесконечно, очень долго, кому интересно, могу потом остаться, рассказать за чашкой чая. Постараюсь расставить какие-то акценты, но для того, кто не знает, что такое Россотрудничество, оно часто звучит, знаете, как рос, пес, Барбос, сбыт, вот что-то такое за рубежом, кто действительно не сталкивался, скажу, что да, мы агентство федеральное, структура Министерства иностранных дел. Мы работаем за рубежом, наша основная целевая аудитория, она за рубежом находится, и мы все, что транслируем, вот наши культурные ценности, гуманитарные ценности, мы транслируем за рубеж.

Конечно, в обратку это приходит сюда, но основная наша задача – работать там. И по состоянию на сегодня, несмотря на, все знают геополитическую ситуацию, не буду на ней останавливаться, где нас как закрывают, откуда нас выгоняют, депортируют, исключают, отменяют, мы под санкциями находимся, у нас руководитель под санкциями находится, не помню, какой пакет, но мы в каждом пакете ожидаем увидеть знакомые лица и уже даже отмечаем это дело, радуемся, как будто награда такая. Как признание наших заслуг, того, что мы делаем все правильно.

Несмотря на и вопреки всему, мы работаем больше чем в 150 странах мира сейчас. Наши центры действуют, я вот специально, когда ехала сюда, коллег попросила актуализировать, потому что нас без конца открывают-закрывают, но, слава богу, мы открываемся в новых странах. 84 российских центра действуют сейчас за рубежом, 69 стран, мы работаем официально по межправсоглашениям, 58 стран мы курируем, как страна-партнер, и 23 партнерских русских дома работают.

Это важно отметить, почему партнерские русские дома возникли. Возникли потому, что некоторые межправсоглашения, они очень долго заключаются, а люди уже сейчас хотят с нами работать, особенно это касается стран БРИКС, стран Африки, там, где мы не можем открыться официально. Есть некие некоммерческие организации, я их не буду поименовывать, все эти страны, которые говорят: «Вот у нас есть все, у нас есть ресурсная база, у нас есть люди, нам от вас не надо никаких денег, дайте нам контент, разрешите нам продвигать русскую культуру». Мы не возражаем, у нас есть алгоритм подписания, нам, естественно, не хочется нести репутационные риски, предоставляя право продвижения русской культуры абы кому, естественно, мы задействуем в этом случае Министерство иностранных дел на верификацию партнера. И мы понимаем, с кем мы имеем дело, например, в Чаде, в Нигерии, в Буркина-Фасо, в ЮАР у нас есть партнерские русские дома, недавно приросли Гвинеей, открылись, там есть партнеры, которые берут у нас контент, берут выставки, берут ссылки на кино и демонстрируют своим гражданам, им это надо, у них есть потребность, это вот то, о чем вы говорили, Оксан, об общественной инициативе,

что не надо ждать, приходи, глядишь за этим, вырастет и межправсоглашение, и откроется официальное представительство Россотрудничества, почему бы и да.

Не буду рассказывать, как все это работает, приглашу вас принять участие, послушать, включить трансляцию 7 апреля, наш руководитель Евгений Александрович Примаков будет давать большую пресс-конференцию иностранным журналистам, и там мы как раз будем рассказывать об итогах деятельности агентства, много будет про культуру, и связана эта большая пресс-конференция в апреле, 7 апреля в 11:00 на площадке МИА «Россия Сегодня», это будет все проходить.

(01:10:00)

Будет, естественно, прямая трансляция, конференция приурочена к столетию Россотрудничества, но здесь, знаете, пошутила я про Россотрудничество, не Россотрудничеству 100 лет, конечно, а 100 лет общественной, культурно-гуманитарной народной дипломатии. В апреле 1925 года было учреждено ВОКС, Всесоюзное общество культурных связей, и вот ВОКС через трансформацию, через Общество дружбы, через Росзарубежцентр, стало тем самым Россотрудничеством, агентством которым мы являемся, и вот уже 100 лет за счет деятельности такой международной продвигаются культурные связи, и вот этому столетию посвящена конференция.

Не забываем, конечно, о нашей святой дате, 80 лет победы в Великой Отечественной войне, не могу об этом не сказать, поэтому присоединяйтесь, посмотрите, вот там как раз будет много ответов на все вопросы, зачем мы вообще существуем, почему мы кому-то где-то помогаем, для чего все это нужно. Я сейчас на этом останавливаться не буду, но скажу коротко о тенденциях современных продвижения культуры за рубежом.

Как чиновник не могу не остановиться на официальных стратегиях, в соответствии с которыми мы работали, как раз мы говорили о том, что пока нам спустят закон, напишут стратегию, но хочу сказать, что все стратегии, на примере последней, они рождаются по эффекту тропинки. Вы знаете, когда вот есть дорога, но все равно люди ходят где-то наискосок и по земле протаптывают тропинку, им там удобнее. Так вот и стратегии, которые рождаются, они рождаются из потребности урегулировать то, что еще не зарегулировано, устранить некую пробельность. И вот у нас последняя стратегия, которая вышла в феврале этого года уже. Стратегия представления на ключевых международных мероприятиях достижения Российской Федерации в различных отраслях экономики и культуры. Она в феврале этого года вышла. Рекомендую всем ознакомиться.

На самом деле импульс к этой стратегии дала выставка «Россия», на которой в 75-м павильоне, мы все помним, как прекрасно были представлены наши регионы. И вот этой стратегией мы сейчас в ближайшее время будем руководствоваться для того, чтобы на международных площадках демонстрировать наши культурные достижения. Работаем по стратегии государственной культурной политики, работаем, естественно, по основам государственной политики в сфере продвижения традиционных духовно-нравственных культурных ценностей.

Займу еще минуту вашего внимания и расскажу, в общем-то, о том, что для нас важно. Для нас важно не только то, чтобы сохранилась тенденция демонстрации классической культуры. Мы все помним дягилевские русские сезоны, современные русские сезоны Министерство культуры предлагает. Мы все знаем, как они выглядят, помним, как культура, культурная политика помогла оттаять в годы Холодной войны, как у нас культура поддерживала взаимоотношения между народами.

Скажу вам, что знаем, что сейчас культура отмены, она не произошла. У нас в любом случае проходят мероприятия в недружественной Европе, во всех недружественных странах мы работаем, также проходят выставки. Конечно, они не так же проходят, я лукавлю, они проходят немножко на другом уровне, но отклик людей, люди приходят, они просят их не фотографировать, не делать публикации, но они приходят. Это все востребовано, и они ждут, когда произойдет та самая разморозка, и можно будет вернуться на тот самый уровень взаимодействия, который до.

Классические формы, да, они у нас есть, работы и взаимодействия, но мы стремимся, и вот то, о чем предыдущие ребята говорили, перейти на новые форматы. Мы ищем новые формы, мы пытаемся вовлечь общественность во всю эту историю. У нас есть много разных проектов, и волонтерских, и гуманитарных. Я не смогу все в условиях времени перечислить. Миссия «Добро», волонтерские проекты, и форум «Время добрых дел», когда некоммерческие организации для некоммерческих организаций делают различные сессии, мастер-классы, и когда регионы направляют свои коллективы, мы уже просим, ребята, не надо нам концерт ради концерта, вы приедьте с концертом, привезите педагога, и пусть он покажет мастер-класс для детей в какой-нибудь школе, это будет полезно.

Таким образом мы показываем русского человека, который может научить. Наша задача как Россотрудничества, на самом деле, профессионально дружить, и вот мы этим, собственно, занимаемся, формируя эти профессиональные сообщества в абсолютно любой среде. Очень важна здесь работа с молодежью, для чего у нас много программ направлено. «Здравствуй, Россия» есть программа для соотечественников, «Новое поколение» — это программа для иностранных иностранцев в возрасте, когда уже можно учить, еще можно учить, и можно учить всему, «Новое поколение» она называется, мы ее совместно с Росмолодежью реализуем. Собственно, включили мы эту программу в национальный проект «Молодежь и дети», федеральный проект «Россия с вами».

(01:05:03)

Это, опять же-таки, к вопросу о том, что из инициативы, из малого рождается большое. Я по ходу выступления предыдущих спикеров делала себе пометки, мне очень понравилась мысль о возможных коллаборациях, приведу напоследок маленький пример. Мы недавно вернулись, буквально два дня назад, из Узбекистана, и там, в Ташкенте, прекрасная площадка, где дизайнеры представляют свое творчество. И я захожу в мастерскую керамиста, прекрасная, потрясающая девушка, она показывает свои работы, я вижу чашки, она говорит: «Вот здесь кокошник, и здесь васильки, посуда стилизованная в кокошнике, васильки». Я говорю: «А почему?», она говорит: «Ну мне очень нравится, мне очень хочется,

чтобы за счет моей посуды люди покупали, чтобы они понимали, что мы дружны, что мы дружим».

Конечно, на кокошниках, на васильках, честно, мы далеко не уедем, на балалайках тоже. Нужны, с точки зрения государства, какие-то системные подходы, системные проекты, но, опять же, повторюсь, большое, оно рождается из малого. И ваши проекты, они для нас очень сильно нужны. И завершаю тем, что для того, чтобы понять, как работать с нами, для того, чтобы понять, как получать гранты, потому что любой проект, он стоит денег. Понятно, что можно зажечь глаза огнем, но без денег не сделаешь ничего, к сожалению. Ни фильм не снимешь, ни выставку не распечатаешь качественно, хорошо.

Для того, чтобы понять, как на международных площадках работать, мы запустили наш курс. Он третий год уже будет работать в этом году. Приглашаем всех на курсы «НКО без границ». Курс для некоммерческих организаций, для тех, кто хочет работать на международном треке. Больше информации можно получить на нашем сайте, или я потом вам расскажу, если будет интерес. Там мы учим, как писать гранты. Более того, выпускники наших курсов потом с нами совместно за рубежом работают, делают проекты. Нам интересно, чтобы у нашего русского человека была возможность показать себя за рубежом во всей красе. И, в общем-то, на это наш курс направлен. Поэтому всех приглашаю присоединиться, следите за анонсами, подписывайтесь на «Телеграм»-канал Россотрудничества. Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо. Спасибо большое. Я думаю, что мы уже нащупали некий ритм сочетания государственных выступлений с личными проектными инициативами. И это тоже интересно. Потому что, конечно, ресурсы «Росатома» и ресурсы федерального агентства, которое имеет русские дома и культурные центры в десятках и сотнях странах, это очень серьезно. И пока предыдущие выступления были посвящены успешным, но личным стратегиям. А вот теперь у меня вопрос к следующему спикеру именно о создании, о возможности вообще создания большой институции. Потому что то, что из себя представляет самый большой арт-парк в Европе, я имею в виду парк Никола-Ленивец, девелопером которого является Александр Курников. Я думаю, что мы тоже все знаем. Мы имеем какой-то... Все, кто там оказывались, по-моему, имеют прекрасный, опыт волшебного пребывания в волшебном пространстве. Десятки тысяч человек посещают эти фестивали. Может быть, нас и вас проклинаят только те, кто попадает в пробки на Калужском шоссе, которые возникают. А в остальном это действительно пример создания уникальной, очень успешной, большой институции. Александр Курников.

Александр Курников: Да, добрый день. Здравствуйте. Ну, я решил не мелочиться и назвал свое выступление «Главная формула культурной стратегии». Давайте немножко, пару слов о себе. Меня зовут Александр Курников, я девелопер. Я занимаюсь кризисными, сложными и часто нестандартными проектами. Ну, пару слов. Я достраивал дома обманутых дольщиков вообще без вложений со стороны инвестора Neva Towers. Это моя площадка. Причем она досталась за долги и с долгами. Мэр отменил этот проект. Тем не менее мы все перепроектировали. Мэр снова нам разрешил строить. Продали «Ренессансу» с космической прибылью. И эти здания — это лучший высотный проект в мире.

Пречистенка 8, клубный дом прямо напротив храма Христа Спасителя. Плюс мне очень нравится заниматься отраслевыми задачами. Я сейчас запускаю акселератор в девелопменте. И разработал модель венчурного финансирования жилых проектов. В общем, главная формула культурной стратегии будет состоять из трех элементов.

(01:10:01)

Давайте начну с первого. И начну немножко издалека как раз про тот самый Никола-Ленивец. В Николе, наверное, кто-то из вас был. Это русский феномен. Это самый крупный арт-парк в Европе. Это 600 гектаров с каким-то бесконечным количеством экспонатов. Но давайте я немножко про людей расскажу. Основал его Николай Полисский. Причем Николай — человек удивительной очень киношной судьбы. Потому что академически он живописец. И он был единственным московским участником художественной группы «Митьки», если помните. Причем это была не просто художественная группа, это было целое движение. Много в современном Питере — это вот оттуда. То есть «в Питере пить», «братишка» — это вот как раз «Митьки».

В определенный момент в своей жизни Николай так устал от того, что там происходит, что он по приглашению своего друга Василия Щетинина уехал глубоко в деревню. Тот самый Никола Ленивец. Построил себе дом и в один из таких снежных дней подумал «блин, сколько же можно снеговиков построить из этого снега». И построил. Объект называется «Стояние на Угре». Там больше 100 снеговиков. Причем вы наверняка знаете, художники — это же необычные люди, которые снеговиков налепили и пошли на следующий день на работу. То есть он с этой минуты решил заниматься ленд-артом, в то время еще даже не существующей дисциплиной. Причем его близкие крутили пальцем у виска, потому что Николай был признанным художником, его картины хорошо продавались, и он преподавал в Институте легкой промышленности.

Тем не менее он начал делать работу за работой, и у него потихоньку рос аппетит к масштабам. Например, «Маяк» — это 18 метров. «Вселенский разум» — это признанный международный феномен. Это 14 метров в диаметре. Мой любимый «Бобур» — это 22 метра. Чтобы вам легче было представить, что такое 22 метра, это семиэтажный дом. Сложнейшее инженерное сооружение. Причем Николай, он как настоящий творец, он как бы создает что-то, а потом сжигает это к ушам свинячим. Значит, это «Масленица». Это вызывает периодические возмущения общественников. Если вы где-то в новостях видите, что какие-то язычники сожгли что-то в Калужской области, то это в Николе празднуют весну.

Еще в Николе-Ленивце есть такой удивительный феномен, называется «Архстояние». Его сделали Юлия Бычкова и Антон Кочуркин. Если чуть упрощать, механика работы такая. Они раз в год устанавливают какую-то тему, и художники выражают свои произведения в рамках этой темы. В частности, там, «Ротонда» Александра Бродского, гениальнейшее произведение. То есть это «Ротонда» в поле, в которой 24 двери. Это «Штурм неба». Это «Жар птица». И вот мне особенно нравится «Дом с люстрой». Это реальная комната. То есть там действительно можно переночевать. И она вот на понтоне кочует по этому водоему.

Еще мне посчастливилось работать с Олегом Гончаровым. Он креативный продюсер. Он был сооснователем арт-завода «Флакон», если кто-то знает, на Дмитровском шоссе. И

помимо всех его достижений в Николе-Ленивце, наверное, особенно хочется отметить фестиваль «Ночь новых медиа». То есть это вот тот самый вселенский разум, но благодаря свету, звуку и молодых художников, и перфомансов, природа этого произведения меняется. И что самое удивительное, у Олега есть такая черта, он умеет делать вещи модными. При всем уважении к Николе, до Олега Никола был классным, но немножко нишевой историей, ну любителя. Благодаря Олегу вся творческая молодежь, художники, кривейторы рванули в Николу.

В общем, я вам все это рассказывал, рассказывал о парке через людей, потому что первый успехообразующий элемент главной формулы культурной стратегии — это гении. Ну или люди с божьей искрой, кому как удобнее. Теперь второй элемент. В общем, я очень много с тех пор работаю с художниками и вообще стараюсь себя окружать исключительно талантами. И пришел к выводу, что художественный акт может быть направленным. Помимо внутренней цели, то есть художественной идеи, у художественного акта может быть цель внешняя. И эта цель может быть очень прозаичной. Она может быть коммерческой, может быть социальной, может быть государственной.

(01:15:00)

Постараюсь вам на примере своего проекта это показать. В общем, это мой девелоперский проект, Пречистенка 8. «Клубный дом». На семь резиденций. Причем я этот проект перезапускал. Я переделал весь маркетинг, сделал такой очень графичный, активный забор. Потому что что такое строительный забор в девелоперском проекте? Это такое бесплатное рекламное полотно. Буквально через несколько дней пришли вандалы, которые просто его исковеркали. То есть вот эти закорючки, вы знаете, это самая примитивная форма граффити, называется райтинг.

Я был чудовищно возмущен. Причем я с вами максимально подбираю слова. В посте, когда я выражал свои мысли, практически все можно было запикивать без потери содержательной ценности. В общем, что я и сделал. Пречистенка 8 – это же напротив Храма Христа Спасителя. Поэтому я пригласил иконописцев. Действительно, людей, которые расписывают храмы. И попросил их нарисовать граффити. То есть чтобы они с вандалами разговаривали на том самом вандальском языке. Я надеюсь, вам видно, да? Это стало выглядеть так. Но я же скорпион, я не мог не дать сдачи. И хотелось это сделать очень художественным способом. Те, кто знаком с уличной культурой, знают, что для граффитчика нет ничего более унижительного, чем если перебивают, то есть перерисовывают его работы. И помимо того, что забор стал еще более активно работать, то есть он стал еще больше привлекать внимание, появилась легенда, как Курников боролся с граффитчиками.

Остался последний элемент. Мне прям совсем чуть-чуть. И эта часть будет менее зрелищная, чуть более нудная и, откровенно говоря, спорная. То есть мы ни разу за сегодняшний разговор не поговорили о целях культурной стратегии. Мы очень много рассуждали на тему проблематики. А тут зачем это все нужно? И мне хочется одну из целей немножко поковырять и попробовать с учетом всей той призмы, которую я задал, вам рассказать.

Владимир Владимирович, наш президент, очень часто говорит на тему семьи. Насколько она важна и что семья — это остов нашей духовности. Тем не менее мы все знаем эту катастрофическую статистику, что восемь из десяти браков распадается. Но эти цифры становятся, откровенно говоря, абсурдными, если смотреть их через призму бизнеса. То есть по статистике девять из десяти стартапов банкротится в течение трех лет. Причем я сейчас вам рассказываю статистику не всех новых бизнесов, где есть какие-то консервативные бизнес-модели, а именно инноваций, то есть стартапы. То есть они рождаются, не зная, что конкретно им нужно делать, и без дорожной карты.

И отсюда, получается, можно сделать вот такой вывод, что семья — это рискованный бизнес. При всей, наверное, глупости этого выражения в этом есть определенная доля правды, потому что мы, как очередное поколение безотцовщины, то есть сначала же это было по историческим причинам, потом по демографическим, потом опять по историческим, мы просто не знаем, что такое крепкая семья. В моем детстве большая часть моих друзей жили в неполных семьях. Я сам рос без отца, все мои друзья уже по пару раз развелись. И в логике, если мы не можем найти ответы внутри семьи, мы должны обращаться к коллективным знаниям, коим является культура. Но и в культуре мы не можем найти эти образы. Тут я надеюсь, что никто со мной спорить не будет.

И в логике я должен, как мои остальные визави, обвинить культуру, но тут, знаете, как в русской поговорке, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива, потому что культура и общество — это такие очень зависимые системы. То есть они живут либо восходящим, либо нисходящим трендом. То есть они либо как аккумуляторы друг дружку подпитывают, либо выжигают. Соответственно, единственный способ, чтобы этот тренд развернуть, должна появиться некая суперсила. И я не верю, что у этой суперсилы могут быть какие-то отважные пассионарии, вроде нас с вами.

И эта суперсила — это государство. Но не государство заказчик. Потому что подобные серьезные сдвиги, они не могут рождаться через какую-то методичку, которую составили ответственные ведомства. Подобные образы не могут навязываться. Единственный способ — это если государство станет продюсером. То есть в чем сутевое отличие этих сущностей? Продюсер стимулирует и формирует условия, чтобы образы и смыслы рождались внутри общества, через творческих гениев.

(01:20:15)

То есть оно стимулирует поиск, но никогда не говорит, какой результат хочет получить. И качественной оценки может быть только две. То есть это отклик аудитории, то есть насколько эти образы становятся любимы. И, наверное, второй качественный результат — это, знаете, когда какой-нибудь уличный художник вместо того, чтобы на гараже рисовать какое-то очередное бестолковое политическое высказывание, рисует маму с папой. Я там чуть утрирую, главное — передать смысл.

В общем, последним элементом главной формулы культурной стратегии является государство. И мне все-таки хочется свое выступление закончить не математической формулой, а все-таки призывом, раз мы находимся на Московском экономическом форуме. Как-то вот так. Спасибо. Спасибо за ваше внимание. Я все.

Эдуард Бояков: Спасибо, Александр. Спасибо. Очень вдохновляющее, я думаю, что многих из нас выступление. Последнее слово, которое сегодня будет от имени спикеров сказано, а потом мы перейдем, у нас будет несколько минут для такой более открытой, интерактивной дискуссии. Кто-то из вас может вопросы задать. Но это произойдет после выступления Настасьи Хрущевой, профессора Санкт-Петербургской консерватории, композитора, востребованного композитора, практика. Сочинения Настасьи исполняются ведущими российскими оркестрами, и балеты идут в ведущих российских театрах. Кроме этого, Настасья и автор монографии, то есть, получается, теоретик монографии, посвященной метамодернизму, метамодерну. Пожалуйста, Настасья.

Настасья Хрущева: Спасибо. Я расскажу о русском музыкальном логосе. Логос я буду понимать сегодня как русское музыкальное высказывание в его абсолюте, логос как правящий принцип, логос как творящий ум русской музыки. И первая черта русского музыкального логоса – это предельность. Русский музыкальный логос существует в поэтике предельного, поэтике крайних состояний. Это свойственно и русской философии, и русской литературе, например, текстам Достоевского. Как пишет Бахтин: «Достоевский сосредотачивает действия только в двух точках – на пороге или на площади, где происходит катастрофа и скандал». Такова поэтика Достоевского. В каждый момент времени герой оказывается или в ситуации предчувствия скандала, или в ситуации после скандала, или в ситуации скандала.

Такова и русская музыка. Она всегда имеет в виду ощущение предела, предчувствие предельного состояния или само предельное состояние. Такая предельность есть и в экстатических кульминациях Рахманинова, и в сакральной архаике Стравинского, и в апокалиптических исканиях Римского-Корсакова, и, конечно, все главные опусы Галины Уствольской, наиболее радикального композитора последнего столетия, тоже стремятся к пределу.

Русская музыкальная мысль стремится к пределу, как к верхнему, так и к нижнему, как в песне Летова: «Ниже кладбища, выше солнышка, ниже кладбища, выше солнышка». Часто выход в этот предел совершается через танец, как, например, во втором концерте Рахманинова, когда в репризе, все, наверное, помнят, внезапно появляется последний танец, или в финале «Весны священной» Стравинского, где девушка заплясывает себя до смерти. Галина Вишневская говорила: «Русские люди не только от радости, но и от ярости плясать умеют».

И второй атрибут русского музыкального логоса – это безумие. Русский музыкальный логос постоянно стремится взойти к безумию. «Восхождение к безумию» – так называется один из альбомов группы «Оргазм Нострадамуса». И это симптоматично. К безумию происходит не нисхождение, а именно восхождение. Это не инфра, а ультра состояние сознания. «Что отличает русскую музыку от западноевропейской?», – спрашивал Сергей Курехин. И отвечал себе: «Безумие. Только безумие может внести дух русского. Можно играть любую музыку, можно петь романсы, можно петь итальянскую оперу, можно играть диксиленд, африканскую музыку, тибетскую. Но все это будет оставаться той самой музыкой, про

которую я говорил, пока туда не вносится элемент безумия. Как только туда внесли элемент безумия, это автоматически становится русской музыкой». Конец цитаты.

Безумие прошивает русские оперы даже сюжетно. Безумный мельник, вообразивший себя вороном, обезумевшая Марфа из оперы Римского-Корсакова. Еще одна по-другому безумная Марфа уже из Хованщины. По-разному безумные Борис Годунов и Юродивый из другой оперы Мусоргского. Но, конечно, важнее безумие чисто музыкальное. Тот самый алогизм и рациональность, которая в русской музыке всегда важнее привычного порядка.

(01:25:11)

И здесь мы подходим к третьему атрибуту русского музыкального логоса. Это необустроенность. Русская музыкальная мысль использует неправильность, дилетантизм, ошибочность как прием. Интересное рассуждение есть у Владимира Мартынова по поводу эссе Солженицына «Как нам обустроить Россию». Сразу скажу, что отношение самого Мартынова к Солженицыну, к этому эссе, скорее, негативное, но сейчас это не имеет значения в данном контексте. Мартынов рассматривает сам заголовок этого эссе как некую формулу. Она априори подразумевает, что Россия не обустроена. И Мартынов соглашается с этим, но не в физическом смысле, а в смысле метафизическом. Говорит, что та самая экзистенциальная неприкаянность, поиск Бога, этот метущийся дух – это и есть та самая необустроенность.

Эту необустроенность мы можем видеть, например, в музыке главного русского композитора Модеста Петровича Мусоргского, который использовал откровенно слабую, даже убогую в чем-то иногда оркестровку, неправильную гармонию, из-за чего его не понимали современники. Можно вспомнить современного композитора Юрия Ханона с его тусклой оперой, средним концертом и 24 упражнениями в слабости. Необустроенность может быть трактованной как некоторая несостоятельность мысли, ума и даже разума. У Тютчева есть строчка: «Про древний Хаос, про родимый». Можно сказать, что вот это странное сочетание – родимый хаос – это подлинное имя русской Софии, как написала одна из литературоведов.

Итак, именно с этой обратной стороны разума русские логосы ищут и находят свою неприкаянность, свою убогость в самом высоком смысле слова. Если воспользоваться концепцией Александра Дугина о трех логосах, то русский музыкальный логос – это не перемещающаяся на свиньях и собаках тоническая Кибела, не сияющий Аполлон, спускающийся на солнечной колеснице, а скорее Дионис, подъезжающий на кривом осле.

Четвертый атрибут русского музыкального логоса – это направленность к трансценденции. Русский музыкальный логос завязан на стремлении к трансценденции, она принципиально недостижима, и потому композитор ищет способ указания на ее недостижимость. Русский музыкальный логос в своем устремлении находится в вечном недостижимом Китеже. Здесь можно вспомнить финал картинок с выставки Мусоргского, где после чрезвычайно эффектной пьесы «Баба-яга» пианист, который это исполняет, упирается в совершенно невыразительные аккорды последнего номера. Куда вылетает эта «Баба-яга» – совершенно непонятно. Ведь сами картинки с выставки уже проходят в каком-то особом

ином пространстве, где мы говорим с мертвыми на мертвом языке, где есть «Балет невылупившихся птенцов».

Куда же мы вылетаем? То есть это иное по отношению к иному. Это последний предел. И что выбирает Мусоргский для изображения этого? Аккорды, в которые пианист просто упирается, не в силах усилить звук, потому что это невозможно на рояле. Такие подчеркнута простые аккорды, которые невозможно увеличить по громкости. Он просто указывает нам на то, что не в силах показать. Это, по сути, такая музыкальная апофатическая этиология. Следующий пункт – это поэтика сна. Если у Гераклита бытие в логосе отождествлялось с бодрствованием, русский музыкальный логос черпает свои силы во сне.

Русская опера «Хованщина», самая главная, им организованно начинается со странной песни, которая поется в полусне. Как следствие, акцентуация состояния сна в русском музыкальном логосе возникает тема колыбельной. Колыбельная, последняя колыбельная на краю, наконец, смертная колыбельная – это ось, на которую нанизан как русский классический романс, так и русская опера. Наконец, последний пункт – это сентиментальность. Русский музыкальный логос использует сентиментальность всегда только как прикрытие бездны, открывающейся за ней. Здесь можно вспомнить музыку Чайковского, где, например, в первой пьесе из «Времен года» внезапно за сентиментальной музыкой открывается странное дно, какая-то бездна, какая-то выюга, и мы видим совершенно другие вещи.

Но можно и вспомнить забытые мотивы Метнера, где сентиментальность становится повторяющейся песней красоты. Итак, русский музыкальный логос использует сентиментальность всегда только как прикрытие бездны, открывающейся за ней.

В заключение своего рассказа о русском музыкальном логосе я бы хотела привести фрагмент из текста Владимира Мартынова, который продолжил известное высказывание Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт». Он логически продолжил это высказывание. «Говорить в России значит больше, чем говорить. Молчать в России значит больше, чем молчать. Нельзя в России больше, чем нельзя. Можно в России больше, чем можно. О чем невозможно говорить в России больше, чем то, о чем невозможно говорить. О чем следует молчать в России больше, чем то, о чем следует молчать. Ум в России больше, чем ум. Понимание в России больше, чем понимание. Аршин в России больше, чем аршин. Измерение в России больше, чем измерение. Обладание особенной статью в России больше, чем обладание особенной статью. Возможность верить в России больше, чем возможность верить».

(01:30:15)

Бытие в России больше, чем бытие. Сущее в России больше, чем сущее. Истинное в России больше, чем истинное. Небытие в России больше, чем небытие. Несущее в России больше, чем несущее. Ложное в России больше, чем ложное. Голубое небо в России больше, чем голубое небо. Клейкие листочки в России больше, чем клейкие листочки. Снег, искрящийся под солнцем, в России больше, чем снег, искрящийся под солнцем. Поцелуй на морозе в России больше, чем поцелуй на морозе. Больше в России больше, чем больше. Все в России больше, чем все». Спасибо.

Эдуард Бояков: Спасибо. Вот такая архитектура у нашей сессии. Мне кажется, она была очень интересной, содержательной. Да, хорошо. Спасибо. У нас есть несколько вопросов. И я, наверное, перейду к ним, действительно, если вы позволите. Вопрос Никите Лукинскому. Скажите, пожалуйста, в какой степени ношение мужчиной головного убора в помещении соотносится с традиционной русской культурой?

Никита Лукинский: Я не являюсь, я не исповедую традиционную русскую культуру и не занимаюсь ее пропагандой. Я занимаюсь ее деконструкцией и исследованием того, как мы можем жить в современном контексте. Как я уже сказал, в современном контексте на самых разных мероприятиях, особенно в дизайнерской сфере носить головной убор можно. Поэтому я, как представитель своей сферы, это право отстаиваю.

Эдуард Бояков: Спасибо. Вопрос Оксане Конышевой. Подскажите, пожалуйста, какие вызовы и препятствия возникают при реализации культурных проектов в закрытых административно-территориальных образованиях, и как «Росатом» их преодолевает? Ну, это немножечко конкретный такой вопрос, но, может быть, вы ответите все-таки, чтобы не потерять энергию того высокого пафоса, который был и у Настасьи Хрущевой, и в выступлениях Александра Курникова. Мне кажется, вот эта вот формула – гении как цель государства, мне кажется, это серьезный результат нашей сессии, так же, как указание на необходимость выхода за пределы конвенциональных каких-то вещей. Это касается и теории, в этом отношении вопрос, который был Никите адресован, вполне себе коррелируется с тем, что сказала Настасья, по-моему.

Оксана Конышева: Я не знаю, конечно, как получится у меня, сбавить или прибавить.

Эдуард Бояков: Головной убор в России больше, чем головной убор.

Оксана Конышева: Ну, на самом деле, я читаю этот вопрос следующим образом. Какие препятствия возникают в закрытых административно-территориальных образованиях? Как правило, они связаны как раз с той самой сложной пропускной системой, которая не дает возможности проникнуть. Но сам же «Росатом» поставил эти границы, сам «Росатом» и отлично это преодолевает и понимает, как это сделать. Ну, а если говорить на самом деле серьезно, я правда верю, работая долго с этими городами, я правда верю в то, что в этих городах сложились таким образом традиции и наш код, даже в том числе атомный код, что уже несколько поколений людей родились и выросли в этих территориях, городах. Я правда верю в то, что это территории, в которых растут люди сегодня, которые способны сделать очень много для всей страны.

У нас, правда, очень хорошее образование, у нас, правда, очень неплохо все с культурой, вот в том советском смысле. Доступность, многообразие, наличие специалистов. Да, тоже есть проблемы, такие же, как и везде, без закрытости. Понятно, что где-то кого-то не хватает, и также связано все это и с зарплатами, и с квартирами. Без разницы. Но точно есть осознание и понимание того, что в этих территориях живя и растя свой род, ты создаешь нечто большее для всей страны. Наши, правда, ученики и школьники, выезжая, они практически все учатся, даже за редким исключением, в субъектовые города, они приезжают все в Москву, Санкт-Петербург, они, правда, получают, они уже хорошо

подготовлены, и мы рады за них, что они пригождаются дальше в любой из областей. И, конечно, всегда приветствуем, если они приезжают обратно домой.

(01:35:14)

Эдуард Бояков: Да, спасибо, Оксана. Это очень интересная тема, я думаю, что о ней мы тоже можем, каждый из нас может отдельно подумать. Это действительно интересно вообще, как закрытость, как границы работают на культурный процесс, как креативная энергия увеличивает свой ресурс от вроде бы каких-то там внешних репрессий в виде ограничения пропускного режима. Это очень часто бывает. Пандемия для кого-то была поводом для того, чтобы разрушать семьи, начать скатываться в алкоголизм, а для кого-то оказалась прекрасной практикой самопознания, установления новых отношений в семье, познания близких и так далее. И таких примеров можно продолжать, продолжать, вплоть до самых драматичных.

Я разговаривал с одним из руководителей Донецкой Народной Республики. Давно уже было, как только начался режим, то есть 22 часа, комендантский час, и он говорил о потрясающих результатах, то есть рынок наркомании, который был в Донецке, как в любом большом городе, просто исчез. Все. То есть огромная проблема алкоголизма. И студенты начали выигрывать больше Олимпиад, чем было до этого времени. Представляете, насколько вот такие ужасные условия, потому что война, конечно, это намного трагичнее, чем просто ограничение в пропускном режиме. Но даже она может стимулировать какие-то процессы. Об этом Александр Гельевич Дугин говорил, о том, что настоящие герои – это воины. И художники – это воины априори.

Дорогие коллеги, Елена, Александр, Екатерина, может быть, кто-то из вас хочет что-то сказать?

Елена Маньенан: В заключение я хотела сказать, что, вы знаете, когда я вернулась в Россию, это был период, когда все уезжали туда. Это был конец 1997-го, начало 1998-го. То есть все просто потоком уезжали. И с тем горячим кипением, с которым я вернулась в Россию, я только хочу вам рассказать, что мы ехали, выбирая место, где остановиться. Нам было вообще все равно, где начинать мой проект. И мы ехали просто по Тверской, Костромской, Ярославской, Ивановской области. Мы просто ехали по дорогам, по лесам. И вдруг идет бабушка. Едем лес, поле, лес, поле, лес, поле. Мой муж француз за рулем. Понимаете, мы 30 километров едем, вообще ничего, вообще ничего. И вдруг идет бабушка. И, конечно, мы останавливаемся подвезти бабушку. И мы ей говорим: «Садитесь, пожалуйста». «Да мне тут уже недалече осталось, пять километров». Мы, знаешь, вообще в полном шоке. Мы ее чуть ли не насильно засовываем в машину, чтобы довезти. И начинаем ее расспрашивать. А у нас там кошка, собака, ребенок. Мы все едем. Начинаем ее расспрашивать о том, где, откуда. Она говорит: «Тут всего-то километров восемь. Я три километра лесом, пять – пешком. Я до магазина хожу каждую неделю, один раз. Потому как три бабки в селе остались. У нас еще и храм сейчас закрыт. А так, три бабки остались в селе. Одна лежачая, другая ползучая, и я бегучая».

Муж ничего не может понять. Он думал, что он знает русский язык. Он ничего не может понять. Он меня зовет. Я говорю: «Потом, потом». Я говорю: «Почему?», она говорит: «А

вот каждую неделю хожу, потому как, если не приду, забеспокоятся. Пойдут искать. А им разве пройти туда, где я прохожу?». Вы понимаете? И мы довозим ее до магазина. Она выходит. А там такой амбарный замок висит. Сарай деревянный. То есть это и есть магазин. Она выходит. Думаю, сейчас бабушка будет довольна, мы ее довели. Она выходит, говорит: «Вот и чего вы меня в такую рань привезли? Сиди теперь и жди, пока откроется. Цельных полчаса. Шла б себе и шла».

(01:40:00)

Вы понимаете? Ну, непобедимо просто. Ну, красота. У меня муж, француз, журналист, заплакал. Он говорит: «Лена, это что-то. Это невозможно». Мы идем с ним по французскому маленькому рынку, где продают всякие, знаете, вот старые какие-то вещи, брокант. Мы идем и говорим по-русски. И вдруг какая-то женщина-француженка говорит: «О, мадам, vous êtes полонезе». Я говорю: «Oui». И мы пошли дальше. Муж остановился и говорит: «Почему? Почему ты не сказала, что ты русская?». Я говорю: «Да какая разница, славяне». Это был 1988 год. Он мне говорит: «Славяне? Вы русские. Это национальность. Вы обогатили весь мир своей культурой, искусством, наукой. Лена, никогда, если тебя спрашивают, с гордостью отвечай, что ты русская».

Меня вот этому всему учили во Франции. С этим я вернулась. С этим я живу. В 11 посольствах мира, это Франция и Германия, это Америка, вот такие большие, мы были рекомендованы к обязательному посещению как лучший, как самый красивый, самый вкусный, позитивный уголок России. Вот это была моя маленькая личная победа. Я всем нам желаю на разных поприщах, в разных местах, кто бы чем ни занимался, делать это лучше всех. И тогда мы сами себя начнем уважать. Вот с этого начнется и настоящий патриотизм, а не вот такой вот написанный, нарисованный. Он должен быть настоящий, глубокий от сердца, от души. Спасибо.

Эдуард Бояков: Прекрасный финал нашей сессии. Господа, буквально один вопрос из зала. Поднимите руку и тогда... Пожалуйста. Да, только вопрос. Безусловно.

Вопрос из зала: Я всех участников слушал, спикеров, и со всеми мы можем коллаборацию устраивать. «Росатом» может поддерживать развитие корневой традиции, как умение жить и выстраивать сценарии. Россотрудничество может этот принцип транслировать в международное сотрудничество, потому что каждый народ силен своей традицией.

Эдуард Бояков: Вопрос, пожалуйста, вопрос.

Вопрос из зала: Я еще в поддержку молодого человека. Шапку снимают перед иконами, поэтому он спокойно может сидеть в шапке, потому что икон нету, если уж это традиция. Поэтому у меня вопрос, насколько вы видите возможность нашего сотрудничества с нашей автономной некоммерческой организацией?

Эдуард Бояков: Мы представляем каждый свой проект. Сказать о том, что тема, которую, во-первых, я от себя отвечу, может быть кто-то из моих коллег еще захочет присоединиться к моему или возразить мне. Мой ответ таков. Очень здорово то, что вы обратили внимание на цельность русской культуры, на ее интегральность. Это безусловно. Нет никаких русских танцев, нет никакой русской народной песни. Это все выдумки. Как минимум, это

позднесталинская система. Мы пришли к тому, что русская песня — это театр Бабкиной или Кадышевой. А русская песня — это то, что происходит на свадьбе, за столом, в ресторане, в столовой, на похоронах и так далее.

К этому осознанию нужно только прийти, потому что огромное количество лет, век фактически, мы жили в ситуации того, что все нужно поделить на жанры, все можно отдать. Это кинематографисты, это декоративно-прикладное искусство и так далее. Сейчас и благодаря интернету, и благодаря каким-то новым практикам мы к этому приходим. Для меня очень знаменательно и символично то, что Елена и Никита рядом сидят и участвуют оба в нашей сессии. Потому что на самом деле вы делаете одно и то же. Просто каждый со своей стороны. Один относится к русской культуре как к интегральной культуре, работая в сети, Елена создает пространство для жизни. Потому что вы же не продюсер, вы же мета-продюсер, потому что вы продюсируете все, начиная от красоты в интерьере, заканчивая вкусом. Да, да, конечно.

Поэтому давайте закончим, не будем задерживать друг друга, потому что, наверное, у вас есть еще планы, связанные с другими мероприятиями этого интереснейшего форума. Мы можем продолжить общение в кулуарах. А то, что нужно двигаться в направлении последнего вопроса, это совершенно точно. Спасибо огромное. Очень интересно было с вами. Спасибо. Простите, что не было возможности для вопросов. Спасибо.

(01:47:07) (Конец записи)